

Гимон Тимофей Валентинович

Институт всеобщей истории

Российской академии наук

Россия, г. Москва

«Ипатьевские» дополнения к «Повести временных лет»¹

Речь здесь пойдет о частном сюжете, однако хорошо известном каждому, в чьи интересы входит текстология «Повести временных лет» (далее: ПВЛ). В тексте Ипатьевского и Хлебниковского списков «Повести временных лет» имеется серия известий, отсутствующих в Лаврентьевском, Радзивилловском и Московско-Академическом списках (далее: Ипат., Хлебн., Лавр., Радз., М.-А.). Тематическое единство многих из этих известий (связанных с Владимиром Мономахом и его семьей²) заставляет думать, что перед нами не случайные пропуски общего протографа Лавр.–Радз.–М.-А., но именно добавления, в первоначальном тексте ПВЛ отсутствовавшие [Бестужев-Рюмин 1868: 29–29, Шахматов 2003: 552, Приселков 1996: 82, Лихачев 1947: 77, Повесть временных лет 1950: 503, Творогов 1997: 207, Бугославский 2006: 65, Добровольский 2009: 59].

Всё это достаточно очевидно и почти никогда не ставилось под сомнение³. По-разному, однако, решался вопрос о том, кем и на каком этапе истории текста ПВЛ были сделаны эти дополнения. А. А. Шахматов атрибутировал их составителю третьей редакции ПВЛ, работавшему, по мнению ученого, в 1118 г. в окружении старшего сына Владимира Мономаха Мстислава [Шахматов 2003: 551–553, Шахматов 2001: 91–92]. Впоследствии одни ученые соглашались с гипотезой Шахматова о третьей редакции ПВЛ или каким-то образом его модифицировали, а другие (Л. Мюллер, О. В. Творогов, А. Тимберлейк) по-

¹ Статья написана в Государственном Академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания № 2014/321 Минобрнауки России (проект «Письмо и повседневность: Древняя Русь в сравнительно-исторической перспективе»).

² Например, А. А. Шахматов писал: «известия эти обличают в их составителе, во-первых, современника, во-вторых, лицо, близкое к Владимиру Мономаху, ибо большая часть их имеет то или иное отношение к этому князю» [Шахматов 2011: 91].

³ Альтернативное мнение высказывал М. Х. Алешковский, писавший о том, что среди «ипатьевских дополнений» «есть факты не только о Мономахе, но и о Святополке и о “злых” знамениях, т.е. тексты... которые вполне могли быть еще у Нестора» [Алешковский 1971: 50]. Этот взгляд вписан в предложенную Алешковским схему соотношения версий ПВЛ (Лавр. основывается на несколько сокращенной копии, сделанной Сильвестром уже в Переяславле с редакции Василия 1119 г. [Алешковский 1971: 49–52]) и вне ее вряд ли может иметь вес: пусть не все, но большинство «ипатьевских» дополнений касаются Мономаха и его семьи (см. перечень ниже).

лагали, что эта гипотеза лишена оснований. Мне представляется наиболее убедительным взгляд А. А. Гиппиуса, в целом возвращающегося к гипотезе Шахматова о третьей редакции, однако с рядом уточнений [Гиппиус 2007: 20–44, Гиппиус 2008: 3–24¹]. После выхода в свет работы Гиппиуса спор продолжился. Так, С. М. Михеев поддержал взгляд Гиппиуса на редактирование ПВЛ [Михеев 2011: 28–31, 146–154], тогда как Д. А. Добровольский, наоборот, не видит оснований для гипотезы о третьей редакции [Добровольский 2009: 58–72].

Хочу подчеркнуть, что нижеследующие рассуждения, в общем, никак не зависят от решения вопроса о третьей редакции ПВЛ. Вставной характер серии «ипатьевских» известий очевиден; ясно также, что внесены в текст они были уже после составления основного текста ПВЛ, поскольку отразились не во всех ее списках, а только в двух из них. В настоящей статье меня в первую очередь будет интересовать вопрос, до сих пор остававшийся на периферии внимания исследователей: каково происхождение «ипатьевских» дополнений или, иначе говоря, откуда эти сведения почерпнул книжник, добавивший их в ПВЛ?

Для начала необходимо составить список этих дополнений. Собственно, таковой уже имеется в работах К. Н. Бестужева-Рюмина [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80], А. А. Шахматова [Шахматов 2003: 552, Шахматов 2011: 91–92], А. Г. Кузьмина [Кузьмин 1977: 84–85], О. В. Творогова [Творогов 1997: 206–207] и А. А. Гиппиуса [Гиппиус 2007: 36], однако он не вполне идентичен у всех ученых.

Так, в отличие от Шахматова и Творогова, Гиппиус справедливо исключает из этого перечня известие о рождении Святополка в 1050 г. Оно читается только в Синодальном списке Новгородской I летописи (далее: Н1) (а вовсе не в Ипат.–Хлебн.) и, конечно, не имеет никакого отношения к «ипатьевским» дополнениям [Гиппиус 2007: 40, примеч. 15²]. Также соглашусь с А. А. Гиппиусом в том, что из списка следует исключить известие 1107 г. о землетрясении. Оно читается не только в Ипат.–Хлебн., но и в Радз.–М.-А., а также в Н1. Отсутствует оно только в Лавр., где, видимо, было механически пропущено [Гиппиус 2007: 37, примеч. 13].

Некоторые сомнения вызывает и отнесение к числу «ипатьевских» дополнений краткой статьи 1086 г., сообщающей о закладке Всеволодом Ярославичем церкви св. Андрея, основании при ней мо-

¹ Там же см. разбор предшествующей дискуссии.

² Шахматов считал, что в Синодальном списке отразилась третья редакция ПВЛ, однако это вряд ли так; о проблеме источников Синодального списка см.: [Гимон 2012: 615–641]; отсылки к литературе о том, какая версия Начальной летописи была использована в Синодальном списке см.: [Гимон 2012: 616, примеч. 125].

настыря и пострижении в нем дочери Всеволода Янки. Эта статья отсутствует в Лавр.—Радз.—Акад. и тематически близка к другим «ипатьевским» дополнениям (речь идет о сестре Мономаха, а в другом «ипатьевском» известии, под 1105 г., говорится об обрушении церкви св. Андрея). Однако отмечалось, что в статье 1089 г., в тексте, общем для всех списков ПВЛ, имеется отсылка к статье 1086 г.: «Янька... нареченная прежде», — а Янка, кроме как в статье 1086 г., ранее в ПВЛ нигде не упоминается [ПСРЛ. Т. 1: 206, примеч. Г, Повесть временных лет 1950: 506, Творогов 1997: 207, примеч. 15, Добровольский 1009: 58–59]. Из этого как будто следует, что статья 1086 г. присутствовала в основном тексте ПВЛ и пропущена в Лавр.—Радз.—М.-А. механически. Однако довольно вероятно и другое. Как показал А.А. Гиппиус, в некоторых фрагментах текста Лавр.—Радз.—М.-А. отразилась уже третья (а не вторая) редакция ПВЛ. Ученый предположил, что в «рукописи Сильвестра» (вторая редакция — архетип Лавр.—Радз.—М.-А.) была заменена как минимум одна тетрадь, переписанная из третьей редакции [Гиппиус 2007: 42]. Именно в этой, замененной тетради находился рассказ статьи 1096 г. о встрече летописца с Гюрятой Роговичем [Гиппиус 2008: 4]. Однако где точно начиналась эта тетрадь, неизвестно. Между тем «ипатьевские» дополнения отсутствуют на значительном участке текста — между статьями 1087 и 1098 гг. Кажется вероятным, что в действительности дополнения были и на этом участке, однако, поскольку тетрадь была заменена, они отразились и в Лавр.—Радз.—М.-А. и, таким образом, неотличимы от основного текста ПВЛ. В таком случае слова «нареченная прежде», а может быть, и все известие 1089 г. о Янке, тоже были «ипатьевским дополнением». Конечно, это объяснение пока довольно гипотетично, но оно все-таки не является чистой догадкой, поскольку основано, с одной стороны, на хорошо обоснованном выводе Гиппиуса о замене тетради, а с другой — на факте отсутствия «ипатьевских» дополнений между 1087 и 1098 гг. Поэтому предпочитаю не исключать пока запись 1086 г. из списка «ипатьевских» дополнений.

Ученые относят к числу «ипатьевских» дополнений «подробности о походе на половцев» 1106 г. [Шахматов 2003: 552, примеч. 2, Гиппиус 2007: 36] В этой статье, во-первых, есть добавление к имени «Яня» («Вышатича и брата его Путятю»), которые является глоссой Ипатьевского списка, отсутствует в Хлебн. и, скорее всего, относится к числу тех дополнений Ипат., которые были сделаны уже в XV в., на основе летописей Новгородско-Софийской группы [Гимон 2013: 72–

76]. Во-вторых, только в Ипат. имеются слова «до Дуная». Возможно, это уточнение добавлено тогда же, когда и рассматриваемые здесь «ипатьевские» известия, однако учитывая его размер и отсутствие в Хлебн.¹, предпочитаю в нижеследующий список его не включать.

Напротив, я не вижу оснований вслед за А.А. Шахматовым исключать из этого списка известие о смерти польского князя Владислава под 1102 г. Ученый считал, что это известие было в общем протографе Лавр., Радз. и М.-А. опущено «механически»; пропущен был текст между двумя одинаковыми формулами «В се же лето» [Шахматов 2003: 552, примеч. 2, 900, примеч. 16²]. Гаплографического пропуска, конечно, исключать нельзя, однако вероятность такового ничуть не больше, чем с большинством других летописных известий, располагающихся, как правило, между подобными формулами.

Кроме того, к перечню «ипатьевских» дополнений можно добавить дневную дату вокняжения Всеволода Ярославича (1 января) под 1076 г., читающуюся только в Ипат.—Хлебн. непосредственно перед «ипатьевским» известием о рождении Мстислава Владимировича. Эту дату в число «ипатьевских» добавлений включил А.А. Шахматов, но только в работе, до самого недавнего времени остававшейся неопубликованной [Шахматов 1011: 91]. В других перечнях «ипатьевских» дополнений она не упоминается. И наоборот, Д.А. Добровольский считает отсутствие точной даты в Лавр.—Радз.—Акад. свидетельством того, что сообщение о рождении Мстислава — это не «ипатьевское» дополнение, а, напротив, пропуск Лавр. [Добровольский 2009: 58] Надо заметить, что в Лавр. (но не Радз.—Акад.) имеется указание на месяц («месяца генваря»), и только дневная дата («въ 1 день») уникальна для Ипат.—Хлебн. Тем не менее у нас нет твердых оснований считать дату вокняжения Всеволода и запись о рождении Мстислава пропущенными в Лавр.—Радз.—Акад.: они в равной мере могут быть и вставкой Ипат.—Хлебн. А поскольку они тематически близки другим вставкам Ипат.—Хлебн., касаясь отца и старшего сына Мономаха, будем относить их к числу «ипатьевских» дополнений.

Не во всех перечнях «ипатьевских» дополнений указано известие о рождении Святослава Игоревича, читающееся только в Ипат.—Хлебн. под 942 г.³ Оно очень далеко отстоит от других «ипатьевских» вставок, однако

¹ В Хлебн. целый фрагмент текста пропущен в результате гаплографии.

² С этим согласны: [Гиппиус 2007: 37; Добровольский 2009: 59].

³ На него указывают: [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80, Прил. 1: 12, Кузьмин 1977: 84]; ср. также: [Бугославский 2006: 65].

вне всякого сомнения должно рассматриваться в их ряду, поскольку тематически близко к «ипатьевскому» известию о рождении Мстислава (1076 г.).

Наконец, некоторые исследователи добавляют в этот перечень не целые известия, но небольшие добавления Ипат.—Хлебн. к известиям, читающимся во всех списках ПВЛ¹: слова «зять Романов» (об императоре Константине под 913 г.) [Творогов 1997: 206], панегирическое добавление о надвратной церкви Благовещения (под 1037 г.) [Творогов 1997: 206], дату 10 февраля (смерть жены Ярослава Мудрого, только в Ипат. под 1050 г. [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80; Прил. 1: 47]²), слова «на Выдобычи» (о строительстве церкви под 1070 г.) [Творогов 1997: 207]. Какие-то из этих чтений могут быть дополнениями к основному тексту ПВЛ (а не пропусками Лавр.—Радз.—М.-А.), однако решить этот вопрос всякий раз однозначно нельзя³. Тем более не относятся к числу «ипатьевских» дополнений слова «[Варяжко] много воева съ печенѣги на Володимера» в статье 980 г. [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80; Прил. 1: 16], которые присутствуют в Радз., и указание на то, что Изяслав на момент смерти Ярослава Мудрого княжил в Турове (под 1054 г.) [Бестужев-Рюмин 1868: 28, примеч. 80; Прил. 1: 48, Кузьмин 1977: 84], где вариант Лавр.—Радз.—Акад. явно дефектен⁴ и чтение Ипат.—Хлебн. следует признать первоначальным⁵.

В результате список «ипатьевских» дополнений к ПВЛ должен, на мой взгляд, выглядеть следующим образом:

[942] В се же лѣто родися Святославъ у Игоря.

[1076] *(о вокняжении Всеволода Ярославича в Киеве в январе)* ...въ 1 день. В се же лѣто родися у Володимера сынъ Мѣстиславъ, внук Всеволож.

[1086] Всеволодъ заложи церковь святого Андрѣя, при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ, створи у церкви тоя монастырь, в нем же пострижеся дщи его дѣвою, именемъ Янька. Сия же Янка совокупивши черноризци многи пребываше с ними по монастырьскому чину.

[1087] В се же лѣто ходи Всеволодо къ Перемышлю.

¹ Кроме добавлений под 1076 и 1109 гг., непосредственно примыкающих к целым «ипатьевским» известиям.

² В Хлебн. данное известие опущено целиком.

³ Дату смерти жены Ярослава (под 1050 г.) можно счесть «ипатьевским» дополнением по аналогии с датой смерти Всеволода под 1076 г., однако я бы не рискнул сейчас этого делать.

⁴ В Лавр.—Радз.—М.-А.: «Изяславу же тогда сущю, а Святославу Володимери».

⁵ Также я не рассматриваю здесь те разночтения между Лавр.—Радз.—Акад. и Ипат.—Хлебн., которые отражают осознанную правку уже существовавшего текста (например, известные расхождения в заглавии ПВЛ или в рассказе о призвании варягов). Вполне вероятно, впрочем, что эта правка принадлежит перу того же книжника — создателя третьей редакции ПВЛ. О некоторых других специфических чтениях Ипат.—Хлебн. см.: [Творогов 1997: 206–208].

[1098] В се же лѣто заложи Володимеръ церковь камяну святоѣ Богородицѣ в Переяславлѣ¹ на княжѣ дворѣ. Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Вѣстри.

[1099] В се же лѣто бысть знаменье надъ Володимеремъ, месяца априля, два круга, а в нею аки солнце, и до шестаго часа, а ночь аки 3 стязи свѣтлѣ, оли до зорѣ.

[1101] В се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленскѣ святоѣ Богородицѣ камяну епискупью.

[1102] В се же лѣто преставися Володиславъ Лядскій князь. [...] В то же лѣто родися у Володимера сынъ Андрѣи.

[1105] Увалися верхъ святого Андрѣя. [...] Томъ же лѣтѣ явися звѣзда с хвостомъ на западѣ и стоя месяц. Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ на Зарубѣ на² Торкы и Берендѣѣ.

[1106] Того же лѣта помраченье бысть в солнци августа.

[1109] (*о походе Дмитра Иворовича на половцев*) ...1000 вѣжъ взя, а послани Володимеромъ князомъ.

[1110] Того же лѣта пришедше половци³, воеваша около Переяславля по селомъ. Того же лѣта взяша половци у Чина⁴.

Итак, перед нами серия вставок в текст ПВЛ. *Каким образом* были сделаны эти вставки и, главное, *на основании чего?*⁵

Начнем с первого вопроса. По мнению О. В. Творогова, «создается впечатление, что дополнения эти — целиком или по большей части — глоссы на полях, впоследствии внесенные в текст» [Творогов 1997: 207]. Напротив, А. А. Гиппиус считает, что «ипатьевские» дополнения не могли быть приписками на полях, поскольку на месте одного из них (а именно, известия 1106 г. о солнечном затмении) в Лавр., Радз. и М.-А. читается другое известие («В то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ к Святополку»), которого нет в Ипат.—Хлебн. По мнению ученого, известие о затмении могло вытеснить сообщение о Сбигневе только в процессе *переписки* летописного текста [Гиппиус 2007: 37]. На мой взгляд, данный пример ничего не доказывает. Сообщения об Сбигневе и о затмении —

¹ Чтение Хлебн., в Ипат.: «Переяслава и».

² «На» — только в Хлебн. В Ипат. «здесь в строку, конец которой был незаполнен, вписано другим почерком: *и побѣди*» [ПСРЛ. Т. 2: 257, примеч. в].

³ В Хлебн. нет текста до этого слова включительно, но это явно вторичный гаплографический пропуск.

⁴ В Хлебн.: «взяша полонъ половци у Тчючина». В Ипат. «у Чина» более поздним почерком поправлено на «идучи назад много селъ» [ПСРЛ. Т. 2: 260, примеч. 48, О].

⁵ Повторюсь: вопрос о том, *кто и когда* добавил эти известия к тексту ПВЛ, предпочитаю в данной статье не затрагивать, хотя в целом согласен с видением А. А. Шахматова и А. А. Гиппиуса, согласно которым вставки были сделаны создателем третьей редакции ПВЛ во второй половине 1110-х годов.

примерно одинаковой длины¹, т.е. одно могло «вытеснить» другое не только при переписке, но и в том случае, если редактор выскоблил одно известие и написал другое на освободившемся месте.

В пользу последней версии как будто говорит тот факт, что не только под 1106 г., но и в трех других случаях (в статьях 942, 1098 и 1101 гг.) там, где в Ипат.—Хлебн. вставлено дополнительное известие, в Лавр.—Радз.—М.-А. имеется какой-то фрагмент текста, отсутствующий в Ипат.² Можно предположить, что книжник, вставлявший «ипатьевские» известия, делал это на полях или, скажем, на свободном месте в конце погодной статьи (если следующая статья начиналась с новой строки), но иногда прибегал и к выскабливанию небольших фрагментов текста. Таким образом, мне кажется более вероятным, что «ипатьевские» известия были серией добавлений в уже существовавшей рукописи ПВЛ, а не появились при ее переписке. Впрочем, полной уверенности здесь пока быть не может.

Более важен другой вопрос: что послужило источником для дополнительных известий Ипат.? А.А. Шахматов считал эти известия «полученными, быть может, отчасти и посредством устных сообщений» [Шахматов 2003: 552]³. Ученый эту мысль никак не обосновал, а другие исследователи, насколько я знаю, вообще не задавались вопросом о происхождении интересующей нас серии известий.

Между тем это вопрос интересный и важный для истории летописания в целом. Альтернатива здесь очень простая: или эти известия впервые возникли под пером книжника, добавившего их в ПВЛ (на основании припоминаний, устных сообщений и т.д.), или в распоряжении этого книжника был письменный источник. Попробуем выбрать одну из этих двух возможностей.

В дополнительных известиях Ипат. нет дневных дат (если не считать даты вокняжения Всеволода, добавленной [?] к уже имевшемуся в ПВЛ сообщению под 1076 г.); лишь дважды в известиях о знамениях указывается месяц (под 1099 и 1106 гг.)⁴. Однако важно, что как мини-

¹ Без учета выносных и пропущенных букв известие о Сбигневе в Лавр. состоит из 32 знаков, а известие о затмении в Ипат. — из 36 знаков.

² Под 942 г.: «Болъгаромъ» (в конце известия о воцарении Петра в Болгарии); под 1098 г.: «якоже и в прежнее лѣто сказахъ» (после известия о мире у Городца — отсылка к «Повести об ослеплении Василька» под 1097 г.); под 1101 г.: «и разидошася разно» (в конце известия о мире с половцами).

³ В другой работе ученый назвал «ипатьевские» дополнения записями о «современных летописцу (т.е. создателю третьей редакции ПВЛ. — Т. Г.) событиях» [Шахматов 2011: 92].

⁴ С. В. Цыб ссылается на то, что в Тверском сборнике к «ипатьевскому» известию 1102 г. добавлены точные дата рождения и имянаречения Андрея Владимировича — 11 и 18 августа, и

мум в трех случаях точность *годовых* датировок может быть подтверждена независимыми данными. Под 1102 г. Ипат. сообщает о смерти польского князя Владислава. Князь Владислав I Герман умер 4 июня 1102 г., что подтверждается целым рядом польских и чешских источников [Jasiński 1992: 162]. Комета, отмеченная в Ипат. под 1105 г. (сказано, что она в течение месяца была видна на западе), известна по зарубежным источникам и наблюдалась в разных странах со 2 февраля по 20 марта 1106 г. [Святский 2007: 189–190, 224, примеч. 85] При мартовском стиле летосчисления (когда 6613 г. закончился февралем 1106 г.) датировка снова оказывается точной. Известие 1106 (6614) г. о солнечном затмении в августе подтверждается астрономическими данными: оно имело место 1 августа 1106 г. [Святский 2007: 42, 608¹].

Сложнее обстоит дело с сообщением о строительстве церкви в Смоленске под 1101 (6609) г. Об этом же событии говорят и летописи Новгородско-Софийской группы, причем под 1100 (6608) г. и с указанием на точную дату закладки храма: «марта 7, на Средохрестие». Очевидной текстуальной связи между двумя известиями нет; скорее, перед нами две независимые записи об одном и том же событии (в Новгородско-Софийских летописях, наверное, запись смоленского происхождения) [Гимон 2012: 677–678]. Средокрестье приходилось на 7 марта в 1100 г., т.е., если год начинался 1 марта, на начало 6608 мартовского или 6609 ультрамартовского года. Следовательно, в известии Ипат. или использован ультрамартовский стиль², или (что более вероятно, учитывая мартовскую датировку рассмотренных выше сообщений) произошла ошибка на год в результате того, что данное известие было записано позже. Не исключено также, что строительство церкви, начатое в марте 1100 г., было завершено в 1101 (6609 мартовском) году; впрочем, в сообщении Ипат. все-таки использован глагол «заложи», т.е. речь идет о начале строительства. В любом случае, если перед нами хронологическая ошибка — это ошибка всего на один год.

Итак, те из дополнительных известий Ипат., датировки которых

полагает, что эти даты восходят к древнему источнику [Цыб 2011: 57–58]. Здесь не место обсуждать вопрос об источниках Тверского сборника (в основе — Ростовский свод 1539 г.), однако возведение этих дат к третьей редакции ПВЛ или источнику «ипатьевских» дополнений как минимум требует дополнительного обоснования.

¹ М. Л. Городецкий отмечает, что «затмение было существенно сильнее в Новгороде, чем в Киеве» [Святский 2007: 101, примеч. 39], однако, конечно, у нас нет других оснований думать, что это известие было записано на севере Руси.

² С. В. Цыб считает ультрамартовским «ипатьевское» известие 1102 г. о рождении Андрея — впрочем, на основании чтения Тверского сборника, древность которого еще надо доказывать (см. примеч. 45).

можно проверить, оказываются хронологически точными или почти точными. Невероятно, что все эти сообщения были «по припоминанию» добавлены в текст ПВЛ в конце 1110-х годов; напротив, несомненно, что добавивший их книжник черпал их из письменного источника. Об этом же говорит и содержание «ипатьевских» известий: среди них есть сообщения о знамениях, о церковном и гражданском строительстве, о рожденьях, т.е. те виды сообщений, которые характерны для записей, делающихся из года в год, а не для ретроспективного, «монотематического» повествования [Алешковский 1976: 134–138, Guimon 2015].

Не может быть никаких сомнений, что перед нами летописные записи, ведшиеся в окружении Владимира Мономаха до того, как он стал киевским князем: почти все «ипатьевские» известия связаны с Мономахом и его семьей. Местом ведения этих записей мог быть Переяславль-Южный, о котором идет речь в известиях 1098 и 1110 гг. Также местом ведения записей мог быть Андреевский (Янчин) монастырь в Киеве (о нем говорится в известиях за 1086 и 1105 гг.). Впрочем, в центре внимания «ипатьевских» известий, очевидно, находится Мономах, а он в 1093–1113 гг. княжил в Переяславле.

Каков был характер этих записей? Состоял ли этот утраченный письменный источник только из записей, попавших в Ипат., или он был более пространной летописью?

Можно предположить самые разные варианты. Например, это могла быть особая редакция Начальной летописи с дополнениями (предположим, что в Киево-Печерском монастыре велась основная летопись, а в Переяславле находилась ее регулярно пополнявшаяся копия с местными добавлениями). Или это мог быть отдельный краткий (или не краткий?) летописец, совершенно независимый от печерского летописания. Это могла быть серия записей на пасхалии или на какой-то церковной книге. Предположения можно строить до бесконечности, однако есть ли у нас хоть какие-то данные для ответа на поставленный вопрос?

Таких данных немного, но все же они имеются. Прежде всего, надо обратить внимание на то, как «ипатьевские» дополнения размещены относительно текста ПВЛ, общего для всех списков. Конечно, если они первоначально были глоссами, то, как их разместил в тексте последующий переписчик, не так уж и важно. Однако все-таки это может отражать первоначальные взгляды глоссатора на правильное расположение известий, особенно если добавления были сделаны со знаком вставки, вписаны на свободном пространстве в продолжение основного текста или (как, возможно, было с известием 1106 г.) до-

бавлены поверх выскобленного текста.

«Ипатьевские» дополнения 942, 1076, 1087, 1098 и 1101 гг. вписаны в конце соответствующих погодных статей, что наиболее естественно. Сообщение 1086 г. составляет единственное содержание этой статьи. В то же время известие о знамении 1099 г. находится между двумя сообщениями о военных событиях; возможно, летописец как-то учел здесь указание на апрель в известии о знамении. Также посредине статьи находится известие о смерти Владислава Польского (1102 г.). Перед ним находится сообщение о знамениях января и февраля, после — о смерти князя Ярослава в ноябре. Владислав, как известно по другим источникам, умер 4 июня¹, т.е. известие оказалось на его хронологическом месте, несмотря на отсутствие в нем самой даты. В конце той же статьи — другое «ипатьевское» добавление: о рождении Андрея Владимировича, т.е. два дополнения оказались разделены двумя известиями, уже имевшимися в первоначальном тексте ПВЛ. В статье 1105 г. «ипатьевские» дополнения находятся в начале и в конце статьи, как бы обрамляя общий текст всех списков ПВЛ. В общем тексте речь идет о событиях августа, ноября и декабря. В каком месяце обвалилась церковь св. Андрея («ипатьевское» дополнение в начале статьи), мы не знаем. Однако оба дополнения, читающиеся в конце статьи, относятся к зимним событиям (комета была видна в феврале–марте², а о походе Боняка прямо сказано: «зимѣ»). В статье 1106 г., наоборот, относительная хронология при вставке не соблюдена: после общего для всех списков ПВЛ известия о пострижении Евпраксии в декабре следует «ипатьевское» дополнение о затмении в августе, а затем — снова общее для всех списков известие о пострижении Святоши в феврале. Однако это известие, как уже говорилось, возможно, вписано по затертости (т.е. редактор просто нашел подходящее по объему — и не слишком интересное ему³ — известие и вписал на его месте сообщение о затмении). Наконец, в статье 1110 г. «ипатьевское» дополнение, похоже, привязано по тематике к первому известию статьи (тоже о войне с половцами), расположившись после него и перед рассказом о февральском знамении в Печерском монастыре.

Таким образом, анализ расположения «ипатьевских» дополнений относительно общего текста всех списков ПВЛ показывает отсутствие

¹ См. примеч. 46.

² См. примеч. 47.

³ Между прочим, стерто было известие о прибытии к Святополку Сбигнева, сына Владислава, сообщение о кончине которого, наоборот, является одним из «ипатьевских дополнений». Вряд ли, однако, одно как-то связано с другим.

какого-либо единого принципа. Таким принципом могло бы быть размещение этих известий или всегда в конце погодных статей, или всегда по хронологии, или всегда по тематической связи. Между тем мы видим применение всех трех этих принципов в разных случаях. Более того, дважды мы видим, что «ипатьевские» дополнения вставлены хронологически верно, хотя в самих этих известиях точных дат нет.

О чем это может говорить? Мне представляется, что только об одном: источник «ипатьевских» дополнений был летописью, включавшей в себя *не только* эти известия, но и другие, дублировавшие те, что уже были в ПВЛ (или, по крайней мере, какую-то часть из них). Об этом же говорят те из дополнений, которые представляют собой не целые известия, но отдельные детали (дата под 1076 г., детали похода в статье 1109 г.): если эти детали были взяты из того же источника, то, значит, в этом источнике, как и в ПВЛ, были известия о вокняжении Всеволода в 1076 г. и походе на половцев в 1109 г.

С другой стороны, как кажется, источник «ипатьевских» дополнений не был совершенно тождествен ПВЛ. Ведь часть дополнений все-таки располагается в Ипат. в конце погодных статей, т.е. там, где естественно было бы вписать сведения, в источнике никак не соотнесенные с другими событиями того же года.

Конкретизировать все эти соображения дальше вряд ли возможно, однако сделать общий вывод вполне допустимо: источником «ипатьевских» дополнений была летопись, скорее всего, менее пространная, чем «классическая ПВЛ», однако имевшая в своем составе целый ряд известий о тех же событиях, что были зафиксированы в ПВЛ.

Для рубежа XI–XII вв. у нас есть прямой аналог такой летописи — в Великом Новгороде. В основе новгородского летописания XII–XIV вв. лежал летописный свод, представлявший собой сокращенную выборку из киевской летописи с местными новгородскими дополнениями, впоследствии продолженную новгородскими известиями. В более или менее первозданном виде текст этого свода можно наблюдать сейчас в Синодальном списке Н1. Датировки этого свода несколько расходятся в литературе (обычно речь идет о 1114–1117 гг.; К. Цукерман предложил 1126 г.; по гипотезе автора этих строк, новгородский свод был впервые создан ок. 1095 г., а ок. 1115 г. пополнен на основе киевской летописи и припоминаний о новгородских событиях) [Гимон 2012: 625–631]¹. Для нас сейчас важна не датировка, а харак-

¹ Отсылки к другим датировкам: [Гимон 2012: 616, примеч. 123].

тер этого свода: он частично состоял из выписок из киевской летописи, а частично — из оригинальных новгородских известий. При этом даже тогда, когда новгородская летопись стала вполне самостоятельной (со второй половины 1110-х годов), в ней продолжали фиксироваться в том числе и южнорусские события, на уровне содержания (но не на текстуальном уровне) перекликавшиеся с делавшимися тогда же записями киевской летописи. Вероятно, нечто подобное представлял собой и источник «ипатьевских» дополнений.

Довольно трудно определить время начала ведения этой летописи. Бóльшая часть «ипатьевских» дополнений приходится на вторую половину 1080-х — 1100-е годы. Дополнения в более ранних статьях (942, 1076 гг.), скорее всего, являются ретроспективными. Собственно, они могли родиться и под пером того книжника, который внес «ипатьевские» известия в текст ПВЛ. Если верна гипотеза о третьей редакции ПВЛ, то этот книжник был близок к Мстиславу Владимировичу, и для него естественным было бы добавить в ПВЛ известия о рождении Мстислава и его прямого предка — Святослава Игоревича¹. С другой стороны, эти известия могли быть взяты и из источника «ипатьевских» дополнений, где, в свою очередь, были ретроспективными вставками.

Со второй половины 1080-х годов записи уже явно не носят характера ретроспективных вставок (ср. особенно известие о походе Всеволода к Перемышлю под 1087 г.). Правда, между 1087 и 1098 гг. «ипатьевских» дополнений снова нет, однако, как я предположил выше, это может объясняться соотношением двух редакций ПВЛ: в этой части Лавр.—Радз.—М.-А. восходят к третьей редакции, т.е. «ипатьевские» дополнения здесь читаются во всех списках ПВЛ и их нельзя вычленировать. Поэтому кажется вероятным, что ведение летописи — источника «ипатьевских» дополнений началось во второй половине 1080-х годов. Несомненно, она уже велась в конце 1090-х годов.

Вполне вероятно, что пополнение этой летописи продолжилось и после 1110 г. А.А. Гиппиус справедливо отметил, что, хотя серия «ипатьевских» известий обрывается там, где заканчивается общий текст всех списков ПВЛ, т.е. на статье 1110 г., почти наверняка такие дополнения «имеются и в последующих статьях Ипатьевской летописи, где их, однако, сложно отличить от основного текста. В одном случае, впрочем, такая возможность имеется» [Гиппиус 2007: 37]: в статье

¹ Известия о рождении Ярослава Мудрого (под 980 г., при перечислении сыновей Владимира), Всеволода Ярославича (под 1030 г.) и Владимира Всеволодича Мономаха (под 1053 г.) в ПВЛ уже были. Нет только записи о рождении Владимира Святославича.

1113 г. известие о сооружении Мстиславом Николо-Дворищенского собора в Новгороде является явной вставкой, поскольку в предыдущем и в следующем сообщениях субъектом является Мономах, но при этом в следующем сообщении подлежащее опущено («Того же лѣта посади сына своего Ярополка...»). Иными словами, текст логично бы читался без известия о Николо-Дворищенском соборе (где субъект — Мстислав), и это известие, следовательно, является вставкой [Гиппиус 2007: 37–39¹]. К этой же серии вставок Гиппиус предположительно относит еще два известия о строительной деятельности Мстислава в Новгородской земле (под 1114 г.) — о сооружении новой стены Новгорода и каменного города в Ладоге. Зачало первого из этих сообщений идентично зачалу известия о Николо-Дворищенском соборе («В се же лѣто Мъстиславъ заложи...»); все три записи обнаруживают нехарактерное для южнорусского летописца знакомство с топографией северо-запада Руси. Наконец, к этим предположительным вставкам примыкает подробный рассказ статьи 1114 г. о чудесных явлениях, о которых летописец слышал в Ладоге [Гиппиус 2007: 39].

А. А. Гиппиус относит к тому же слою дополнений два известия статьи 1115 г.: о солнечном затмении и о смерти Олега Святославича. Аргумент здесь такой же, как для статьи 1113 г.: после названных известий сказано: «Того же лѣта устрои мость чересь Днѣпръ», т.е. опять подлежащее опущено, а речь идет о Владимире Мономахе, который является субъектом не в предыдущих двух сообщениях (предположительно, вставных), а до этого — в рассказе борисоглебских торжествах [Гиппиус 2008: 19]. Однако, в отличие от статьи 1113 г., здесь возникают сомнения. Во-первых, сам Гиппиус указывает, что подлежащее «Володимиръ» в известии о строительстве моста все-таки есть — в Ипат. оно дописано другим почерком на полях, а в Хлебн. — в основном тексте. Ученый полагает, что «в этом следует видеть скорее независимое позднейшее восполнение по смыслу, считая чтение основного текста Ипат. первоначальным» [Гиппиус 2008: 19]. На мой взгляд, наличие имени «Владимир» и в Ипат. (пусть в виде глоссы), и в Хлебн. говорит, скорее, о том, что это слово было в их общем протографе. Во-вторых, слово «Володимеръ» имеется в соответствующем известии Лавр.–Радз.–М.–А.² Конечно, вставного характера этих двух

¹ Гиппиус основывается на наблюдении А.Г. Кузьмина, но интерпретирует его по-другому.

² Хотя отношения между Ипат.–Хлебн. и более кратким текстом Лавр.–Радз.–М.–А. за 1110-е годы не вполне ясны, думаю, что чтение последних списков подтверждает первоначальность наличия подлежащего в данном известии.

известий исключать полностью нельзя, однако продолжать ими ряд «ипатьевских дополнений» вряд ли корректно, тем более что эти сообщения (в отличие от названных чуть выше известий 1113 и 1114 гг.) не обнаруживают никакой связи ни с Мономахом, ни с Мстиславом.

Если отмеченные А. А. Гиппиусом известия 1113–1114 гг. восходят к той же летописи — источнику «ипатьевских» дополнений, то придется предположить, что между 1110 и 1113 гг. она была перевезена в Новгород и продолжена там. Это, однако, представляется маловероятным: во-первых, Мстислав стал новгородским князем сильно раньше, в 1095 г.; во-вторых, в Новгороде, скорее всего, в это время уже имелась своя летопись¹. Скорее, составитель третьей редакции ПВЛ внес несколько сообщений о новгородской деятельности Мстислава по припоминанию², а из источника «ипатьевских» дополнений мог заимствовать какие-то еще известия за 1110-е годы, вычленив которые не представляется возможным.

Таким образом, анализ «ипатьевских» дополнений к ПВЛ позволяет говорить о существовании особой южнорусской летописи, ведшейся как минимум в конце 1090-х — 1100-х годах (а может быть, и раньше, со второй половины 1080-х, и позже, в 1110-х годах). Состав этой летописи не может быть сколь-либо уверенно реконструирован, однако, скорее всего, он в значительной степени совпадал с составом ПВЛ за эти годы (и вероятно, эта летопись была ответвлением от «основного ствола» киевского летописания). Возможно, она была похожа на новгородский свод конца XI — начала XII в., представляя собой краткие выписки из киевской летописи в сочетании с оригинальными дополнениями. Ясно только, что она пополнялась из года в год, о чем говорит тематика и хронологическая точность «ипатьевских» дополнений. Местом ведения, вероятнее всего, был Переяславль-Южный.

¹ О ней уже шла речь выше, см. примеч. 55.

² Известия о строительстве стен в Новгороде и Ладоге под 1114 г. находят себе параллель в Н1, однако под 1116 г. Обычно считается, что датировка в Ипат. первоначально и более точна [Гиппиус 2006: 208, Гиппиус 2007: 41, примеч. 16, Михеев 2011: 148–149]. Однако это, строго говоря, ниоткуда не следует. Вопреки А. А. Гиппиусу и С. М. Михееву я не думаю, что слова «заложи Новъгородъ болии перваго», присутствующие и в Ипат., и в Н1, обязательно предполагают общий письменный источник. Эта словесная формула вполне могла использоваться и устно, когда говорилось о строительстве новгородских стен. А если так, то наиболее простым объяснением будет *независимая запись* этих событий киевским и новгородским летописцами. Именно этим и должно объясняться расхождение в датировке, особенно естественное, если киевская запись была сделана создателем третьей редакции ПВЛ в 1117 или 1118 г.

Сокращения

Ипат. — Ипатьевская летопись
Лавр. — Лаврентьевская летопись
М.-А. — Московская Академическая летопись.
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Радз. — Радзивилловская летопись
Хлебн. — Хлебниковский список Ипатьевской летописи

Литература

Алешковский М. Х. К типологии текстов “Повести временных лет” // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. 1975. М., 1976. С. 134–138.

Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868.

Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. М., 2006.

Гимон Т. В. События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 615–641.

Гимон Т. В. Янь Вышатич и устные источники древнерусской Начальной летописи // Древнейшие государства Восточной Европы, 2011 год: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 72–76.

Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24.

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). I // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2004–2005. М., 2006.

Добровольский Д. А. Этническое самосознание древнерусских летописцев XI — начала XII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.

Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.

Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.–Л., 1950.

Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996.

ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.

Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в русских летописях, составленным М. Л. Городецким. М., 2007.

Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997.

Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011.

Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. Т. 2. СПб., 2011.

Guimon T. V. What events were reported by Old Rus chroniclers? // COL-LEGIUM: Studies across disciplines in the humanities and social sciences. Helsinki, 2015 (<<http://www.helsinki.fi/collegium/journal/index.htm>>).

Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, [1992].

Соколова Лидия Викторовна

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом)

Российской академии наук

Россия, г. Санкт-Петербург

Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи)

В изучении памятников Куликовского цикла сделано уже немало. Большой вклад в их исследование внесли классические работы А. А. Шахматова по летописанию и его рецензия на книгу С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище», в действительности представляющая собой самостоятельное исследование. Тем не менее, многие проблемы нуждаются в дополнительном изучении, поскольку по вопросам датировки, взаимоотношений памятников Куликовского цикла и по большинству других проблем единого мнения не существует.

Обратимся к летописным повествованиям о Куликовской битве с целью уточнить историю создания *рассказа* о Куликовской битве.

Рассказ о Куликовской битве читается в Рогожском летописце (далее — Рог.)¹ и Симеоновской летописи (далее — Сим.),¹ восходя-

¹ Список РГБ, ф. 247, № 258, лл. 335 об.–337 об., второй половины 40-х гг. XV в. Изд.: [ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. 1922: 1–187]. Рассказ о Куликовской битве в составе Рогожского летописца с вариантами по Симеоновской летописи см.: [Кучкин 1998б: 9–11]. О Рог. см.: [Муравьева 1998].